

Икона для всех и всё для ИКОНЫ

Прогулка по
художественно-производственному предприятию
«Софрино» Русской Православной Церкви

48

«Иконописный цех завода» — почти оксюморон, не правда ли? Завод — это нечто современное и технологичное: станки, заказы, бригады. А икона — древнее и традиционное: свеча в келье, краски, замешанные на яичном желтке, тихая молитва.

И вдруг такое неожиданное сочетание несочитаемого: иконописный цех завода. Неожиданное, но не невозможное. Добавьте лишь одно слово, и перед вами уже не теоретические рассуждения, а реальность: иконописный цех завода «Софрино».

Академики и традиционалисты

Мастерская «Софрино» включает в себя два разных зала: первый работает в собственно иконописном стиле, а второй — в академической манере письма. И хотя эти залы далеко отстоят друг от друга в территориальном смысле — идти нужно в другой корпус через весь завод, что, однако, доставляет и некое эстетическое удовольствие, так как «Софрино» вычищено и при-

брано не хуже женского монастыря, — но такая удаленность никоим образом не свидетельствует о взаимном дистанцировании этих стилей.

Главный художник «Софрино» Александр Николаевич Москалюнов сравнивает их как одинаково развитые языки выражения. И если иконописец достаточно неплохо владеет одним из них, и в его душе при этом не сухо, то, скорее всего, он сможет создать образ, перед которым захочется помолиться.

Впрочем, было однажды столкновение софринских иконописцев и софринских живописцев: спорили они, в каком стиле расписывать собственную домовую церковь. Победили живописцы. В этом совсем несложно убедиться: роспись небольшого, залитого солнцем и золотом храма, освященного в 1997 году в честь преподобного Серафима Саровского, выполнена академическим письмом.

Однако, если уж упоминать расписанные храмы, то за два года до этого мастерская завершила гораздо более серьезный проект — роспись кафедрального собора Вашингтона, принадлежащего Православной

Церкви в Америке. Работали основательно, с 1991 по 1995 год. Это, пожалуй, самое крупное и памятное произведение художников «Софрино» создано, напротив, в иконописном стиле.

Но вернемся в залы мастерской. Если вы сегодня зайдете в любой из них, то увидите иконописцев немногим более тех восьми человек, с которых начиналась эта иконописная мастерская.

В гостях хорошо, а дома лучше

Дело в том, что хотя за истекшие 25 лет количество работников увеличилось до 150 человек, но лишь малая их часть пишет непосредственно в «Софрино», каждый за своим столом у огромного окна. В основном здешние иконописцы — «надомники».

Этот термин с незамысловатой этимологией обозначает человека, работающего на дому. «Надомник», естественно, не потому является таковым, что живет, к примеру, в Москве, а не в Сергиевом Посаде и ему лень ездить каждый день в Софрино. «Надомник» — это в первую очередь профессионал,

способный выполнить полученный заказ на должном уровне мастерства и потому не нуждающийся в контроле и корректировках по ходу работы. До «надомника» еще необходимо дорасти. Особенно это чувствовалось раньше, годах в 80-х, когда не было иконописных школ и иконописцев приходилось вырастить самостоятельно, иногда даже «с нуля».

Правда, и сегодня обучающий элемент цеха остается актуальным. Приходит, например, выпускник Строгановки или Суриковской академии, пробует писать икону (в академическом стиле, понятно), а получается светская картинка. Иногда год, два уходит на переделку художника в иконописца, иногда и четыре, а иногда не получается совсем — непросто бывает вжиться в рамки церковной традиции.

Стилисты

Большое количество иконописцев весьма расширяет возможности «Софрино» удовлетворять все более ухищренные запросы нашего образованного духовенства. Сейчас просят не просто икону «древнерусского письма», а конкретно — московского стиля, времени преподобного Андрея Рублева, или афонского письма века эдак XIII–XIV, или невянскую икону XVII–XVIII веков, — поэтому специализация иконописцев сегодня именно стилевая; известно, что этот пишет так, другой — иначе, и при поступлении заказа уже примерно ясно, кто будет его выполнять.

Иногда все-таки случаются казусы не только в стилевом оформлении, но и в более серьезных вещах. Например, для одного института сделали икону преподобного Макария Египетского в полный рост, изобразив его в одеждах пустычника. Но эта икона до сих пор стоит в цехе: оказалось, что заказчик ожидал увидеть Преподобного в полном монашеском облачении в какой-нибудь момент богослужения. Пришлось писать заново.

Худсовет представляет собой растягивающийся обычно на целый день просмотр работ всех иконописцев и внесение поправок в них. А.Н.Москалионов, шутя, так передает оценку, какую дает отец Лука: «здесь ничего, а вот это плохо, тут никуда не годится, это исправить, здесь заменить, тут переделать...»

Хирурги икон

Наверное, самое лучшее пожелание иконописцу — чтобы его работа лет через двести попала на реставрацию. Ведь обычно просят восстановить какие-нибудь ценные и чтимые иконы. Небольшой реставрационный отдел есть и в «Софрино», «хирурги икон» возвращают к жизни то, что казалось утраченным безвозвратно. Приносят иконы и частные владельцы, и храмы, а чаще всего — монастыри; приносят, разумеется, то, что дорого, например, чудотворные образы. Самые древние иконы, с которыми доводилось работать здешним реставраторам — XVI века, бывали иконы XVII века, но в основном — все же более поздние изображения.

Еще меньше места, чем реставрационный цех, занимает «проектный» отдел, состоящий из нескольких компьютеров. Тут создаются образы, которых еще никогда не было. Например, если понадобится икона малоизвестного отшельника Нитрийской пустыни V века и окажется, что доступных образов нет, то именно этот отдел по сохранившимся описаниям должен реконструировать внешность святого и уже затем полученные наброски предоставить иконописцу. Здесь же проектируются «юбилейные иконы»: к грядущему празднованию 625-летия Куликовской битвы создается

Донской образ Пресвятой Богородицы с клеймами, изображающими события тех времен.

Семь слоев

Весьма интересна шелкография, представленная в Софрино несколькими цехами. Это, собственно, один из способов размножения икон — насколько необходимый, настолько и нетворческий процесс, однако довольно любопытный с точки зрения технологии. Вначале надо взять икону, написанную красками на доске и выделить в уже законченном образе несколько стадий, зафиксировав их как отдельные изображения. Эти стадии приближены к той последовательности, в какой обычно пишут икону: роскрышь, опись, вохрение, пробелá. Потом надо взять деревянный каркас с натянутым шелком по размеру будущей иконы и перенести каждую стадию посредством фотоэмульсии на такую матрицу. Причем эмульсией покрывают именно те места, где данного цветового слоя быть не должно — непокрытый эмульсией шелк свободно пропускает краску. Получается около семи рамок-матриц, необходимых для создания данного образа. Последовательно печатывая матрицы нужными нам цветами по специальной доске, мы получим изображение высокого качества. За пять минут.

Но это шелкография, а в иконописи главное — люди. Конечно, существенный недостаток нашей виртуальной прогулки по иконописным цехам «Софрино» заключается в том, что мы не дали вам пообщаться с самими иконописцами. Впрочем, их главный ответ — иконы, на которые надо смотреть и пред которыми надо молиться. Молиться в том числе и о самих иконописцах.

*Александр Кукушкин,
2 курс МДС*

Расположенный вблизи от Лавры, Московской духовной академии и ее Иконописной школы цех, конечно, поддерживает с ними тесные контакты. Выпускников Иконописной школы всегда рады видеть в качестве работников цеха. Их духовная и художественная подготовка не вызывает никаких нареканий. Они, кстати, всегда работают на дому.

Игумен Лука (Головков), заведующий Иконописной школой при Московской духовной академии, часто консультирует софринцев по трудным вопросам, приезжает с лекциями по теории и практике иконописи и, кроме того, председательствует на художественном совете, происходящем каждый месяц.